Атаманъ Искра
(И. А. Лохвицкій)

ТО, ЧТО БЫЛО...

БЕРЛИНЪ
1922 г.

Атаманъ Искра
(И. А. Лохвицкій)

ТО, ЧТО БЫЛО...

БЕРЛИНЪ
1922 г.

Право собственности закрѣплено.

Alle Rechte vorbehalten, insbesondere das Uebersetzungsrecht

Печатано въ Русской типографіи общества Пресса.
Berlin SW 19, Leipziger Straße 59.

ОТЪ АВТОРА.

Русское печатное слово заграницей переживаетъ несомнѣнный кризисъ. Широкая гласность обслуживается имъ во многихъ случаяхъ односторонне, съ партійной, групповой, а часто и личной, т. е. совершенно субъективной точки зрѣнія. Въ то время, какъ одни изъ русскихъ эмигрантовъ имѣютъ къ своимъ услугамъ печатный станокъ въ любое время и для любыхъ цѣлей, другіе обречены на скорбное молчаніе. Какая нибудь «Свобода», щедро субсидируемая рукой маршала Пилсудскаго защищаетъ, ничтоже сумняшеся, «интересы русскаго народа», т. е. интересы небольшой, но теплой компаніи, кормящейся у этого органа.

«Брешутъ языками песьими», въ полной увѣренности, что некому и негдѣ вывести ихъ на чистую воду.

Недавно прочелъ я въ «Общемъ Дѣлѣ» (№ 446), услужливо предоставившемъ свои страницы для Савинковской апологіи, слѣдующія строки:

«Однако успѣшность работы Р. П. К. значительно парализовалась тѣмъ обстоятельствомъ, что ген. Булакъ-Балаховичъ имѣлъ при своемъ отрядѣ собственный отдѣлъ пропаганды,. въ вѣдѣніи такъ называемаго атамана Искры. За дѣйствія атамана Искры и за выпущенныя имъ воззванія Р. П. К. нести отвѣтственности ни въ коемъ случаѣ не можетъ».

Эта тирада немало насмѣшила меня, равно какъ, надѣюсь, и многихъ, знакомыхъ съ истиннымъ положеніемъ вещей. Однако, она доказала мнѣ, что дольше молчать невозможно, что и Савинковскому безстыдству долженъ быть положенъ предѣлъ.

Будучи человѣкомъ безпартійнымъ и безъ литературнаго имени, я не имѣю «своей прессы», въ которой могъ бы парировать день за днемъ, ударъ за ударомъ, — клевету и происки Савинковскихъ молодцовъ. Кромѣ того, въ возстановленіи истины заинтересованы, помимо меня, и общественное мнѣніе, и будущій историкъ переживаемыхъ нами кошмарныхъ дней.

Предлагаемый очеркъ пусть послужитъ для нихъ хотя бы сырымъ матеріаломъ.

Слѣдующій трудъ, подготовляемый мною къ печати, будетъ посвященъ еврейскимъ погромамъ и той роли, какую сыграли въ нихъ «великій демократъ и свободолюбецъ» Б. В. Савинковъ и его соратники.

Пока же я позволю себѣ остановиться на отношеніи Савинкова и его недавняго главковерха ген. Булакъ-Балаховича къ крестьянскому движенію, которымъ они такъ усердно прикрывались, и на которомъ такъ естественно обожглись.

Берлинъ, Октябрь 1921 г.

Искра.

ЧАСТЬ I.

Мысль о томъ, что возстановленіе Россіи возможно лишь путемъ усилій организованнаго крестьянства,.— мысль не новая.

Стало до нѣкоторой степени общимъ мѣстомъ утвержденіе, что только тотъ освободитель Россіи доведетъ до конца свое дѣло, который обопрется на русскій черноземъ, на искреннія симпатіи широкихъ крестьянскихъ массъ. Поэтому «ставка на мужичка» — обычный пріемъ всѣхъ безъ исключенія антибольшевистскихъ группъ — отъ эсъ-эровъ до монархистовъ. Только партійное цѣломудріе русскихъ меньшевиковъ заставляетъ ихъ нѣсколько затушевывать этотъ принципъ, который, впрочемъ, ими не оспаривается.

Однако, «клясться именемъ русскаго крестьянина» — вовсе не значитъ быть его дѣйствительнымъ другомъ, а выступать подъ флагомъ крестьянскаго движенія — вовсе не означаетъ для многихъ отказа отъ цѣлей, чуждыхъ и даже враждебныхъ русскому крестьянству.

Волею судебъ мнѣ пришлось принять близкое, непосредственное участіе въ крестьянскомъ повстанчествѣ, въ роли организатора и руководителя. Стремясь къ введенію этого стихійнаго напора

протестующихъ народныхъ силъ въ широкое государственное русло, я никогда не отказывался отъ сотрудничества съ другими организаціями, написавшими тѣ же лозунги на своихъ знаменахъ. Я не предавался преждевременному и безплодному скептицизму до тѣхъ поръ, пока не убѣждался, что истинному стороннику крестьянства не по пути съ той или другой организаціей.

Въ послѣдующемъ я хочу разсказать о томъ, чѣмъ закончилась моя попытка войти въ связь съ движеніемъ, которое возглавлялось номинально Врангелемъ, а въ дѣйствительности оказалось связаннымъ съ печальными именами ген. Булакъ-Балаховича и Б. В. Савинкова.

Лѣтомъ 1920 года, по требованію Всероссійскаго Союза крестьянъ, я вошелъ въ соглашеніе съ политическимъ отдѣломъ штаба ген. Врангеля, на что потребовалось ровно 2 мѣсяца канцелярской волокиты.

Наконецъ я получилъ заданіе поднять возстаніе на Украинѣ, объединить всѣхъ повстанческихъ атамановъ, и, ставъ во главѣ сильнаго отряда, двигаться на соединеніе съ Русской Арміей.

Мнѣ была предоставлена полная свобода дѣйствій въ выборѣ помощниковъ, а на расходы по этой операціи я получилъ 200,000 совѣтскихъ и 100,000 украинскихъ денегъ.

Съ четырьмя бывшими атаманами и польскимъ паспортомъ въ карманѣ я отправился на Украину.

Денегъ, полученныхъ мною, мнѣ хватило только для уплаты за проѣздъ на шхунѣ до одного изъ береговъ Украины, при чемъ совѣтскія деньги, благодаря ихъ ничтожной цѣнности и малой портативности, мнѣ попросту пришлось выбросить.

Къ счастію, у меня оказались собственныя средства и я, не задумываясь, обратилъ ихъ на выполненіе своей задачи; я понималъ, что идетъ борьба на жизнь и на смерть. Кромѣ того, я былъ исполненъ почти фанатическаго упорства въ достиженіи поставленной мнѣ цѣли.

Выбравшись на Украину, наладивъ связь между атаманами и распредѣливъ между ними районы и боевыя задачи, я, обсудивъ создавшуюся обстановку, рѣшилъ отправиться въ Польшу. Изъ газетъ я зналъ, что польская армія продвигается къ Кіеву, и рѣшилъ, что формировать отряды въ мѣстностяхъ, очищенныхъ отъ красной арміи, будетъ значительно легче и продуктивнѣе.

Пробравшись послѣ долгихъ мытарствъ черезъ Румынію въ Варшаву, я узналъ, что къ этому времени польская армія начала отступать въ паническомъ безпорядкѣ.

Пришлось измѣнить первоначальный планъ и попытаться объединить свою дѣятельность съ уже существовавшими въ Варшавѣ антибольшевистскими организаціями, въ частности — съ русской прессой.

Узнавъ изъ газетъ, что Ф. И. Родичевъ взялъ на себя роль представителя ген. Врангеля, я первымъ дѣломъ отправился къ нему.

Родичевъ принялъ меня холодно, и заявилъ, что представителемъ Врангеля онъ не состоялъ. Видно было по всему его поведенію, что онъ принялъ меня за попрошайку изъ бѣженцевъ, и все боялся, какъ бы я не попросилъ у него взаймы.

Онъ произвелъ впечатлѣніе сильно одряхлѣвшаго человѣка, не способнаго даже, какъ слѣдуетъ, вникнуть въ то, что ему говорилось.

Еще менѣе былъ онъ пригоденъ для боевой политической роли.

Второй мой визитъ былъ къ Б. В. Савинкову, тогдашнему предсѣдателю Русскаго Политическаго Комитета.

Савинковъ съ большимъ комфортомъ и многочисленнымъ штабомъ устроился въ фешенебельной Брюлевской гостинницѣ.

Дежурный офицеръ, надменно смѣривъ меня взглядомъ, освѣдомился, извѣстенъ ли я лично г-ну предсѣдателю.

На отрицательный отвѣтъ онъ, съ презрительной миной, заявилъ, что врядъ ли мнѣ вообще когда либо придется удостоиться лицезрѣнія г. Савинкова, и что лучше обратиться къ завѣдующему дѣлами бѣженцевъ или въ Красный Крестъ.

Послѣ такого заявленія дежурный фендрикъ повернулся ко мнѣ спиной. Вынужденный сохранять до времени строгое инкогнито, я воздержался отъ рѣзкихъ выступленій, однако моя вѣра въ Савинковскій демократизмъ, которымъ онъ всегда кичился, была нѣсколько поколеблена.

Оставался послѣдній путь — обращеніе къ печати.

Въ Варшавѣ въ то время выходило двѣ русскія газеты: «Свобода», при ближайшемъ участіи Б. В. Савинкова, Д. В. Философова, четы Мережковскихъ и Савинковскаго Фигаро — А. А. Дикгофъ-Деренталя. Техническимъ редакторомъ состоялъ нѣкій Юноша-Гзовскій, бульварный журналистъ съ подозрительнымъ прошлымъ, редактировавшій до изгнанія поляковъ изъ Минска рептильную газетку «Минскій Курьеръ».

Другая газета — «Варшавское Слово» — редактировалась В. А. Горвицъ-Самойловымъ и пользовалась репутаціей «большевизантской».

Исторія возникновенія «Свободы» не лишена общественнаго интереса.

До ея основанія въ Варшавѣ выходила одна русская газета, издававшаяся такъ наз. «Стражей Кресовой». Несмотря на такую марку, польскія власти и ее не оставляли въ покоѣ.

За перепечатку изъ «Русскаго Дѣла» письма русскаго офицера, интернированнаго въ Польшѣ, въ пресловутомъ Домбье (около Кракова), редакторъ газеты былъ заочно, даже безъ вручения судебной повѣстки, приговоренъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію.

Между тѣмъ въ Варшавѣ появились Д. С. Мережковскій съ супругой и Д. В. Философовъ.

Они повели со «Стражей» переговоры о передачѣ имъ «Варшавскаго Слова», обѣщая отстаивать «границы 1772 года» и агитировать въ пользу русско-польскаго сближенія.

Нужно замѣтить, что «Варшавское Слово» отнеслось къ публичнымъ выступленіямъ Д. С. Мережковскаго весьма критически, чѣмъ навлекло на себя не только гнѣвъ маститаго писателя, но и обвиненіе въ «большевизмѣ».

Переговоры маститыхъ со «Стражей» не дали результатовъ.

Тогда на сцену появился «старый знакомый маршала Пилсудскаго», Б. В. Савинковъ и основалась вторая русская газета въ Варшавѣ — «Свобода», куда вошли и Мережковскіе и Философовъ и приближенные Савинкова, и бѣжавшій изъ Минска Юноша-Гзовскій и нѣкоторые ветераны «Варшавской Рѣчи» эпохи Цѣховскаго.

Несмотря на невысокій тиражъ «Свободы», прямая и косвенная субсидіи, которыя она получала какъ отъ польскаго правительства, такъ и изъ другихъ источниковъ — давали ей возможность существовать даже при дефицитѣ, доходившемъ до 700,000 польскихъ марокъ въ мѣсяцъ. Новое Варшавское слово, получавшее субсидіи отъ

Р. П. Р. тѣмъ не менѣе не могло выдержать дефицита и быстро шло къ ликвидаціи.

Отношенія между «Свободой» и «Н. Варш. Словомъ» установились сразу молчаливо-враждебныя, какъ на принципіальной, такъ и на чисто-личной почвѣ.

Все это порождало серьезныя тренія. Политическій курсъ Савинкова становился все менѣе пріемлемымъ, пріобрѣтая характеръ откровеннаго сервилизма и авантюризма.

— Что будетъ съ нами, Б. В. — спросилъ его какъ-то Горвицъ-Самойловъ: — вѣдь ваша политика обречена на завѣдомый крахъ.

— «Я—Пилсудчикъ»—гордо отвѣтилъ Савинковъ: — «что будетъ съ Пилсудскимъ, то и со мной».

Когда зашла рѣчь объ организаціи народнаго университета для интернированныхъ, Савинковъ сказалъ:

— «Народный университетъ? Для кого? Для этой сволочи. Оставьте, дайте намъ деньги, мы найдемъ имъ лучшее примѣненіе».

Въ задачу этой статьи не входитъ указаніе, каково «лучшее примѣненіе».» По этому поводу лучше спросить интернированныхъ.

Редакція «Н. Варш. Слова» была буквально завалена негодующими письмами интернированныхъ, часто — коллективными.

Между тѣмъ, когда въ «Н. Варш. Словѣ» появилась статья Н. А. Тандефельта съ предложеніемъ созвать съѣздъ интернированныхъ, Савинковъ пришелъ въ такую ярость, что заявилъ редактору «Слова»:

— «Я не остановлюсь ни передъ чѣмъ (намекъ на связи съ польской охранкой). Помните, что я умѣю быть врагомъ.»

«Н. Варш. Слово» ликвидировалось.

Такимъ образомъ въ Польшѣ осталась только одна «независимая» русская газета «Свобода».

Многое изъ этого стало мнѣ извѣстно значительно позже, когда я лучше ознакомился съ варшавской обстановкой.

«Свобода», имѣвшая въ подзаголовкѣ громкій лозунгъ «за родину и свободу», радушно приглашала всѣхъ бѣженцевъ въ редакцію для информированія о послѣднихъ новостяхъ совѣтскаго бытья.

Однако тамъ встрѣтили меня весьма не любезно.

Редакторъ не принимаетъ. Секретарь занятъ. Меня передали въ распоряженіе кокетливой и нетерпѣливой дѣвицы, которая при моемъ приходѣ старательно рисовала на опросномъ листѣ балерину съ поднятой ногой.

Разумѣется, съ ней мнѣ говорить было не о чемъ.

Впослѣдствіи, когда мнѣ удалось добиться свиданія съ Савинковымъ, я разсказалъ ему объ этомъ курьезномъ инцидентѣ.

Онъ сдѣлалъ видъ, что очень возмущенъ, и приказалъ Философову разслѣдовать дѣло. Результаты разслѣдованія неизвѣстны мнѣ и до сихъ поръ.

Въ редакціи «Варшавскаго Слова», несмотря на ея оппозиціонное отношеніе къ Врангелю, меня приняли осторожно, но внимательно и посовѣтовали обратиться къ есаулу Яковлеву, начавшему тогда формированіе казачьихъ частей въ Калишѣ.

Пришлось послѣдовать благому совѣту.

Обстановка Калишскаго лагеря произвела на меня угнетающее впечатлѣніе, а кратковременный разговоръ съ Яковлевымъ убѣдилъ въ томъ, что это — желторотый птенецъ, быть можетъ, отличный командиръ взвода или сотни, но никакъ не искушенный вождь казачьихъ массъ.

Между тѣмъ предстоявшая мнѣ задача была огромна и отвѣственна. Въ краткихъ чертахъ она сводилась къ слѣдующему. Мнѣ нуженъ былъ талантливый и храбрый военачальникъ для образованія боевого ядра, съ которымъ можно было бы прорваться на Украину, объединить безчисленные повстанческіе отряды, связаться съ Петлюровской арміей, и, укрѣпивъ тылъ, соединенными усиліями двинуться на Москву.

Было очевидно, что для такихъ широкихъ заданій Яковлевъ человѣкъ неподходящій.

Возвратясь въ Варшаву, я узналъ о начавшихся формированіяхъ ген. Глазенапа.

Глазенапъ считался сильно полѣвѣвшимъ подъ вліяніемъ Савинкова. Непосредственно формированіемъ завѣдывалъ пріѣхавшій изъ Владивостока полковникъ Лисовскій, докатившійся впослѣдствіи до роли понятого польской жандармеріи при обыскахъ и арестахъ среди русскихъ эмигрантовъ.

Вотъ его краткая біографія, заимствованная изъ «Гол. Р.» (№ 691):

Въ Варшавѣ сообщаютъ, что при обыскахъ и арестахъ, производимыхъ польской охранкой среди русскихъ, неизмѣнно «ассистентомъ» со стороны «Русскаго» комитета является полковникъ Ю. Лисовскій.

Этого полковника хорошо знала до-военная русская колонія въ Варшавѣ.

Служилъ онъ по военно-юридическому вѣдомству и былъ постояннымъ полупьянымъ посѣтителемъ тогдашнихъ варшавскихъ злачныхъ мѣстъ, вродѣ «Акваріума», «Ренессанса» и другихъ притоновъ.

Его альтеръ его, «вторымъ Аяксомъ», считался извѣстный сотрудникъ «Новаго Времени», впо-

слѣдствіи шефъ Деникинской контръ-развѣдки, тоже военно-юридическій подполковникъ, А. Рѣзановъ.

Разумѣется, Лисовскому не хватало полковничьяго жалованья для развеселой и безалаберной жизни, и онъ «подрабатывалъ» въ мѣстной газеткѣ, сочиняя ультра-желтые романы изъ жизни международныхъ шпіоновъ въ стилѣ Понсонъ-дю-Террайля и Ник. Брешко-Брешковскаго («М-ме Лулу») и др. Корреспондировалъ и въ «Нов. Времени».

Но въ Варшавѣ платили по 2—3 коп.- за строчку, да и «шпіонская» канитель начинала пріѣдаться.

Тогда изворотливый полковникъ пустился на такую аферу. Онъ получилъ рекомендательное письмо отъ своего друга Рѣзанова къ родственнику послѣдняго — лодзинскому полиціймейстеру, и отправился въ Лодзь собирать объявленія для варшавскихъ изданій.

Являясь въ магазины, онъ прежде всего намекалъ на свои связи съ полиціймейстеромъ, а затѣмъ приступалъ къ дѣлу. Разумѣется, никто изъ коммерсантовъ не желалъ ссориться съ градоправителемъ, и объявленія текли широкой волной въ портфель Лисовскаго...

Войну провоевалъ онъ въ глубокомъ тылу, какъ, впрочемъ, и полагалось ему по должности. Послѣ революціи сунулся было, къ Колчаку, но не доѣхалъ, и изъ Шанхая вернулся въ Варшаву, пользуясь польской флексіей своей фамиліи.

Лисовскому пришлось занять среднюю позицію, и поступить къ Савинкову въ формировавшійся тогда «главный штабъ» Пермикинской арміи.

Облачившись въ какой-то фантастическій полувоенный костюмъ, этотъ тыловой вояка объ-

яснялъ голоднымъ и оборваннымъ бѣженцамъ условія поступленія въ Глазенаповскую армію.

Условія были таковы. Всѣ офицеры, независимо отъ ранга, зачислялись на довольствіе и жалованіе рядовыхъ солдатъ. Затѣмъ они небольшими группами отправлялись въ Брестъ, гдѣ размѣщались въ казармахъ. Командныя должности полковникъ Лисовскій обѣщалъ имъ предоставить впослѣдствіи, когда они себя «проявятъ».

— «Да чѣмъ же мы себя проявимъ въ такой обстановкѣ?», спрашивали озадаченные офицеры.

— «Не задавайте праздныхъ вопросовъ», — раздражался Лисовскій — «хотите — записывайтесь, не хотите — не мѣшайте другимъ. И помните, что все это между нами»...

Почесавъ затылки, офицеры, у которыхъ не было никакого выбора, записывались.

Въ толпѣ офицеровъ нашлись и мои знакомые, ротмистръ Суйковскій и полковникъ Павлиновъ.

Разговорившись съ Суйковскимъ, я предложилъ ему сформировать конный полкъ и войти въ переговоры съ генераломъ Балаховичемъ, боевая слава котораго въ то время сильно раздувалась польской прессой. (Дѣйствительно, Балаховичъ оказалъ Польшѣ неоцѣнимую услугу во время катастрофическаго развала польскаго фронта. Самъ Пилсудскій вынужденъ былъ признать это въ собственноручномъ письмѣ на имя Балаховича, хотя всячески избѣгалъ подчеркиванія своей связи съ отрядомъ Балаховича).

Представителя Балаховича мы нашли въ гостинницѣ «Савой». Это былъ «капитанъ» Елинъ, нынѣ благополучно здравствующій въ Варшавской цидатели, по обвиненію въ растратѣ 35 милліоновъ польскихъ марокъ.

Этотъ ловкій мужчина официально числился отряднымъ интендантомъ но фактически являлся

и «военнымъ министромъ» и «министромъ финансовъ» и ближайшимъ совѣтникомъ ген. Балаховича.

«Капитанъ» былъ очень любезенъ, согласился на наши условія, словомъ велъ себя, какъ полномочный замѣститель ген. Балаховича.

Бесѣдуя съ нами, онъ въ то же время щедрой рукой раздавалъ своимъ адъютантамъ груды польскихъ марокъ на какія-то мифическія покупки, причемъ, съ великолѣпнымъ жестомъ благосклоннаго магната, отказывался отъ расписокъ. (Впослѣдствіи тѣ же офицеры съ трудомъ получали отъ него по 300 марокъ въ счетъ жалованія).

Нужно ли говорить, что адъютанты пѣли хоромъ дифирамбы и ген. Балаховичу, и капитану Елину, и всей организаціи, гдѣ, якобы, и было сосредоточено «настоящее дѣло».

Оставалась надежда, что все это творится безъ вѣдома ген. Балаховича, въ общей сутолокѣ, неизбѣжной на первыхъ порахъ въ такомъ громоздкомъ дѣлѣ.

На всякій случай мы выговорили себѣ самую широкую самостоятельность, какъ оперативную, такъ и хозяйственную.

Лично съ Балаховичемъ я столкнулся впервые уже въ Люблинѣ, куда отправился черезъ недѣлю для формированія, съ 250 человѣкъ конницы и 100 пѣхоты.

Послѣ осмотра, произведеннаго прибывшимъ со мною людямъ, я имѣлъ съ Балаховичемъ продолжительную бесѣду..

Балаховичъ говорилъ, что его симпатіи на сторонѣ народа, а единственная цѣль — борьба съ большевиками до послѣдней возможности. Онъ готовъ, якобы, принести во имя этой цѣли всякія жертвы, поступиться самолюбіемъ, подчиниться Врангелю или другому признанному вождю, войти

въ соглашеніе съ Петлюрой. Онъ считалъ, что наиболѣе благопріятнымъ театромъ военныхъ дѣйствій является Украина. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ призналъ, что внутренній порядокъ его арміи оставляетъ желать лучшаго, что ему приходится прибѣгать къ драконовскимъ мѣрамъ, вплоть до безсудныхъ разстрѣловъ солдатъ и офицеровъ, и что организація военнаго правопорядка крайне необходима.

Онъ поручилъ мнѣ, какъ юристу, наладить военно-судную часть и вообще всѣ тѣ отрасли военнаго управленія, которыя относились къ упорядоченію тыла и поднятію дисциплины. Это предложеніе охотно было мною принято.

II.

Прежде, чѣмъ перейти къ дальнѣйшему, я попытаюсь набросать общую картину исторіи русскихъ формированій въ Польшѣ, во избѣжаніе повтореній и отступленій.

Война Польши съ Совѣтской Россіей, въ частности, — развалъ польской арміи при паническомъ отступленіи отъ Кіева — заставилъ Польскій генеральный штабъ пуститься на всевозможные компромиссы, имѣвшіе цѣлью поддержать хотя бы временно тающій польскій фронтъ.

О томъ, какъ преломилась эта попытка въ средѣ интернированныхъ, свидѣтельствуетъ статья одного изъ нихъ, помѣщенная въ № 643, «Гол. Россіи».

Несмотря на мелкія преувеличенія и нѣкоторую наивность, она, все же очень любопытна.

«Чѣмъ больше продолжалось отступленіе польской арміи на фронтѣ, тѣмъ чаще стали даваться льготы для чиновъ арміи и даже ухаживанія за нѣкоторыми изъ нихъ. За содержаніе арміи въ лагеряхъ, ген. Бредовъ отдалъ полякамъ всѣхъ обозныхъ лошадей безплатно, а за кавалерійскихъ мы получили по 3,000 марокъ польскихъ. Помогая какъ будто ген. Бредову проѣхать съ арміей

въ Крымъ, они искали пути къ ея разложенію. Въ концѣ іюня появляется на сцену новый атаманъ кубанскаго войска — шт. кап. Яковлевъ, бывшій командиромъ Волчанскаго отряда, отстраненный въ свое время Бредовымъ за грабежи. Пріѣхавъ въ лагерь въ сопровожденіи польскаго офицера, онъ назвался есауломъ станицы Пашковской и предлагалъ казакамъ записываться въ формируемую имъ бригаду. Записавшимся давались большія льготы вплоть до свободнаго передвиженія по польской республикѣ. Казаки долгое время не записывались.

Но вотъ въ газетахъ начали появляться статьи за подписью Б. Савинкова въ пользу Польши, воззванія за подписью русскихъ «общественныхъ дѣятелей», какъ-то Философова, Дикгофъ-Дерепталя и т. д. Казаки начали понемногу записываться въ бригаду Яковлева. Записавшихся немедленно отправляли въ Калишъ, боясь чтобы они не раздумали. Параллельно, въ концѣ іюля начала производиться запись въ такъ называемую Русскую армію, формируемую генераломъ Глазенапомъ.. Несмотря на всѣ старанія польскихъ частей, разложить армію имъ не удалось и 75 проц. этой арміи уѣхали въ Крымъ со словами: «Умирать, такъ всѣмъ вмѣстѣ, но служить полякамъ мы не будемъ».

Знаю опредѣленно, что Яковлевъ до полученія разрѣшенія на формированіе бригады написалъ свои взгляды о будущей Россіи въ польское военное министерство. Онъ писалъ, что Россія должна быть раздѣлена чуть ли не на двадцать самостоятельныхъ республикъ. Это полякамъ очень нравится. Въ Польшѣ въ то время уже имѣлся и къ великому стыду носилъ названіе «русскій партизанскій отрядъ ген. Балаховича». Ген. Балаховичъ въ то время былъ въ Польшѣ вліятельнымъ

человѣкомъ. Говорятъ, что онъ обѣщалъ полякамъ образовать изъ Россіи 22 самостоятельныхъ республики. Помню, что одно время бригада есаула Яковлева была въ загонѣ. Офицеры и казаки опредѣленно заявили, что они стоятъ на платформѣ ген. Врангеля. Чтобы найти выходъ изъ создавшагося положенія, есаулъ Яковлевъ какъ будто соединяется съ отрядомъ Балаховича и получаетъ 100 тыс. марокъ въ личное распоряженіе. Отправившись на фронтъ, вся бригада въ Люблинѣ заявила, что съ Балаховичемъ она не пойдетъ, ибо Балаховичъ продалъ полякамъ Россію. Бригада была отправлена на фронтъ самостоятельно.

Въ концѣ августа Савинковъ начинаетъ возстановленіе 22 республикъ на территоріи бывшей Россіи. Съ этого времени среди русскихъ начинаютъ бродить не только агенты польскаго «второго отдѣла», но и агенты «второго отдѣла русскаго политическаго комитета», возглавляемаго Савинковымъ.

Такъ идетъ и по сегодняшній день».

Статья эта подписана: «Кавказецъ».

Были начаты переговоры съ рядомъ крупныхъ и мелкихъ русскихъ военныхъ начальниковъ, находившихся на территоріи Польши, равно, какъ и съ политическими дѣятелями, имена которыхъ послужили бы для обработки Русскаго общественнаго мнѣнія.

Для многихъ, однако, въ томъ числѣ и для меня, было ясно, что въ лицѣ большевиковъ у насъ съ поляками — общій врагъ, и что соединенными усиліями, на почвѣ пріемлемаго соглашенія съ польскимъ командованіемъ, возможно открытіе новой эры въ антибольшевистской борьбѣ.

Такимъ образомъ возникла мысль о сформированіи въ Польшѣ русскихъ отрядовъ при поддержкѣ польскаго командованія.

Первый отрядъ былъ сформированъ на партизанскихъ началахъ ген. Балаховичемъ, второй началъ формировать есаулъ Яковлевъ, третій — ген. Глазенапъ.

Польскій генеральный штабъ ежедневно осаждался десятками русскихъ полковниковъ, ротмистровъ и есауловъ, предлагавшихъ свои услуги по формированію какихъ угодно отрядовъ.

Эта манія формированія была учтена чуткимъ нюхомъ Б. В. Савинкова.

Будучи, несмотря на водевильное званіе «военнаго министра Временнаго Правительства», — человѣкомъ штатскимъ, онъ рѣшилъ взять на себя «политическое руководство» формирующимися отрядами и убѣдилъ Пилсудскаго въ необходимости сконцентрировать всю работу въ такъ называемомъ Русскомъ Политическомъ Комитетѣ», «самонародившемся» при ближайшемъ участіи и руководствѣ Савинкова.

Такъ образовалось нѣчто вродѣ биржи, гдѣ «голодная сѣрая скотинка» могла продавать свою кровь и жизнь за незначительную сумму польскихъ марокъ.

Понятно, что слабая сторона Савинковскаго предпріятія заключалась вовсе не въ попыткѣ объединенія русскихъ отрядовъ, что впрочемъ, ему ни въ какой степени не удавалось.

Самъ Савинковъ, какъ человѣкъ неглупый и ближе стоявшій къ польскому командованію, чѣмъ кто бы то ни было другой, долженъ былъ съ первыхъ шаговъ убѣдиться въ двусмысленной политикѣ польскаго генеральнаго штаба, которая стала понятна обыкновеннымъ смертнымъ значительно позже. Какъ честный человѣкъ и демо-

кратъ онъ долженъ былъ бы отказаться отъ заведомо гнилого дѣла, и не морочить тѣхъ, кто не потерялъ еще тогда всякаго къ нему довѣрія.

Однако, вопросы личнаго честолюбія и тщеславія и непреодолимый соблазнъ безконтрольнаго пользованія громадными суммами, отпускавшимися на формированіе, взяли верхъ, и Савинковъ продолжалъ тянуть позорную волынку, отрѣзывая себѣ всякіе пути къ отступленію.

Создавъ собственную «Свободу» и приложивъ всѣ усилія къ тому, чтобы парализовать оппозицію, какъ со стороны другой русской газеты, такъ и всѣхъ вообще сомнѣвающихся, подъ крылышкомъ польской жандармеріи, онъ продолжалъ свое безнадежное дѣло.

Многія детали всего этого выяснились для меня, какъ и для многихъ, лишь впослѣдствіи, но я сразу занялъ по отношенію къ Савинкову осторожную и выжидательную позицію.

Въ дѣлѣ, которое было мнѣ поручено, въ той обстановкѣ, какая создалась въ Польшѣ, приходилось рѣшаться на далеко идущія уступки. Впрочемъ, впослѣдствіи горькій опытъ убѣдилъ меня, что «плетью обуха не перешибешь».

III.

Двѣ недѣли спустя послѣ моего перваго свиданія съ ген. Балаховичемъ я выступилъ изъ Люблина походнымъ порядкомъ, съ коннымъ полкомъ моего имени, подъ командой ротмистра Суйковскаго, и пѣшимъ отрядомъ штабсъ-ротмистра Терещенко, въ количествѣ около 500 человѣкъ.

Во время формированія въ Люблинѣ, помимо своей прямой работы, я сорганизовалъ военно-судную часть по образцу и штатамъ польской арміи. Послѣднее было обусловлено общими принципами договора съ польскимъ командованіемъ, требовавшимъ возможнаго единообразія въ порядкѣ управленія подчиненныхъ ему отрядовъ.

Для организаціи такъ называемаго второго отдѣла, вѣдавшаго и судной частью, мною были приглашены опытные юристы: полк. Луговой, бывшій слѣдователь капитанъ Одарченко, поручикъ Петровъ и б. членъ окружного суда ст. сов. Турцевичъ.

Былъ изданъ приказъ по группѣ войскъ, воспрещавшій категорически, съ момента организаціи военно-судной части, всякіе самочинные обыски, аресты, реквизиціи и т. п. самоуправство

Естественно, что и этотъ приказъ, и введен-

ный мною правопорядокъ вызвали сильное неудовольствіе и ропотъ среди Разинской вольницы, которой командовалъ ген. Балаховичъ.

Однако, онъ нашелъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы поддержать меня въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ.

Къ этому времени относятся усиленныя попытки Русскаго Политическаго Комитета подчинить себѣ и ген. Глазенапа, и есаула Яковлева и ген. Балаховича.

Подчиненіе не клеилось.

Даже юный Яковлевъ понималъ, что ему не пристало быть слѣпымъ орудіемъ авантюристскихъ замысловъ Савинкова. Послѣ цѣлаго ряда конфликтовъ, онъ, по настоянію Савинкова, былъ отрѣшенъ отъ командованія казачьей бригадой, а его начальникъ второго отдѣла — полк. Мерцаловъ подвергся гоненіямъ.

Ген. Глазенапъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, былъ отправленъ въ штабъ ген. Врангеля, и замѣненъ молодымъ, слабохарактернымъ ген. Пермикинымъ.

Оставался ген. Балаховичъ, котораго «проглотить» было не такъ легко въ виду его личныхъ связей съ Пилсудскимъ и польскимъ командованіемъ.

Тогда Савинковъ прибѣгъ къ неоднократно испытанной имъ системѣ. Онъ пошелъ на компромиссъ.

27-го августа 1920 года состоялось между Савинковымъ и Балаховичемъ соглашеніе, по которому Савинковъ обязывался провести кандидатуру Балаховича на постъ главнокомандующаго русскими вооруженными силами на территоріи Польши, а Балаховичъ соглашался признать политическое руководство Савинкова.

Самое пикантное въ этомъ соглашеніи — низкое двуличіе Савинкова, который разсыпаясь передъ Врангелемъ въ выраженіи вѣрноподданническихъ чувствъ, одновременно брался проводить кандидатуру Балаховича, не желавшаго подчиниться Врангелю, что, несмотря на его увѣренія, отлично было извѣстно Савинкову.

Вообще, вся Савинковская политика по отношенію къ Врангелю есть сплошное и безстыдное лицемѣріе.

«Мы вѣримъ — писалъ онъ Врангелю, — я вѣрю и явившіеся ко мнѣ казаки вѣрятъ тоже, какъ и я, что Вы, генералъ, увидѣли эти гнилыя язвы, что Вы уврачуете ихъ, что Вы поняли, что такое свобода, что Вы сумѣете заслужить любовь и довѣріе казаковъ и крестьянъ, что для Васъ Россія — не пространство на географической картѣ, а родная, изстрадавшаяся, замученная, поруганная и жаждущая освобожденія мать. Мы вѣримъ, что Ваша армія дастъ Россіи и землю, и волю, и миръ. Да укрѣпится эта наша горячая вѣра».

Какъ видно изъ переписки Савинкова съ Врангелемъ, оказавшейся въ рукахъ полк. Пермикина и переданной имъ въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года ген. Балаховичу, — донесенія Савинкова Врангелю носили фантастическій, чтобы не сказать больше, характеръ *).

Савинковъ увѣрялъ Врангеля, якобы Русскій Политическій Комитетъ, — эта самочинная и нелѣпо-построенная организація, — была сформирована имъ «въ соотвѣтствіи съ политическими требованіями русской эмиграціи и русскаго народа».

*) Копіи этихъ донесеній были переданы мнѣ для ознакомленія ген. Балаховичемъ.

Одновременно онъ писалъ, что именно имъ, Савинковымъ, создана казачья бригада Яковлева, дивизія Пермикина и отрядъ Балаховича, и что, якобы общая численность всей арміи можетъ быть доведена до 50—60 тысячъ штыковъ и сабель.

Савинковъ доказывалъ необходимость присутствія въ Польшѣ полномочнаго представителя ген. Врангеля, на каковую должность весьма прозрачно и настойчиво прочилъ самого себя.

Онъ ни словомъ не обмолвился о томъ, что вся его роль сводилась къ шантажированію сформировавшихся безъ его участія отрядовъ именемъ Пилсудскаго.

IV.

Въ началѣ сентября Савинковъ съ Балаховичемъ отправились во Влодаву, гдѣ Савинкова встрѣтилъ почетный караулъ, привѣтствовавшій его, какъ «господина министра». Послѣ этой жалкой комедіи Савинковъ разразился напыщенной и безцвѣтной рѣчью, гдѣ впервые опредѣлилъ себя «представителемъ крестьянства, идущимъ подъ лозунгомъ «земля и свобода».

Дальнѣйшія выступленія Савинкова передъ солдатами имѣли совершенно однообразный шаблонный характеръ, что произвело весьма непріятное впечатлѣніе, и онъ получилъ почетное званіе «граммофона».

Не обошлось и безъ легкаго скандала.

Одинъ изъ офицеровъ, ротмистръ Хомутовъ, участникъ извѣстнаго ярославскаго воззванія, не преминулъ напомнить «господину министру», что именно на его совѣсти лежитъ кровь безплодно погибшихъ въ Ярославлѣ офицеровъ, повѣрившихъ Савинкову, обѣщавшему «полную помощь союзниковъ». Припомнился также спѣшный отъѣздъ Савинкова изъ Ярославля, когда онъ, подъ видомъ переговоровъ съ англичанами, бѣжалъ въ Казань.

Савинковъ и не пытался опровергнуть непріятныхъ воспоминаній.

(Впослѣдствіи ротмистръ Хомутовъ разсказывалъ мнѣ любопытныя подробности савинковскаго отъѣзда изъ Ярославля. «Герой ярославскаго возстанія» въ критическій моментъ показалъ офицерамъ подложную радіо-телеграмму, будто бы полученную отъ англичанъ, приглашавшихъ его въ Архангельскъ. Онъ взялъ съ офицеровъ честное слово держаться во что бы то ни стало до его возвращенія, и уѣхалъ въ Казань, завѣдомо не думая возвращаться; на самомъ дѣдѣ онъ спѣшилъ къ дѣлежу золотого запаса, перевезеннаго въ Казань изъ Сибири. Обманутые офицеры, окруженные со всѣхъ сторонъ, держались въ продолженіи двухъ недѣль, и были истреблены почти поголовно).

Послѣ отъѣзда Савинкова изъ Влодавы, солдаты долго обсуждали вопросъ: что это за министръ. Одни говорили — польскій, другіе — «министръ при Балаховичѣ».

Уже изъ этой детали ясно, какъ велика была его популярность и какое впечатлѣніе произвели его выступленія.

Пріѣздъ въ Варшаву представителя Врангеля — ген. Махрова внесъ величайшую путаницу въ хитросплетенные планы Русскаго Политическаго Комитета.

Съ этого момента Комитетъ, т. е. Савинковъ, совершенно перемѣнилъ фронтъ, и сталъ вести новую игру, съ одной стороны всячески подрывая авторитетъ Врангеля, съ другой — стараясь очернить ген. Балаховича въ глазахъ Махрова.

Въ то время, какъ я напрягалъ всѣ усилія, чтобы убѣдить Балаховича искренно подчиниться ген. Врангелю, Савинковъ въ бесѣдѣ съ Махровымъ рекомендовалъ Балаховича «узурпаторомъ,

разбойникомъ и погромщикомъ, который своимъ присоединеніемъ можетъ только осрамить русскую армію».

На частной же конференціи съ ген. Балаховичемъ онъ называлъ Махрова «фельдфебелемъ, человѣкомъ грубымъ и необразованнымъ», предсказывалъ гибель ген. Врангеля, вслѣдствии его черносотенной политики, и убѣждалъ Балаховича не признавать Врангеля, суля ему постъ главнокомандующаго бѣлорусскихъ войскъ и самую широкую матеріальную поддержку.

(Савинковъ предлагалъ тогда и мнѣ 500,000 польскихъ марокъ въ видѣ наградныхъ крестьянской бригадѣ, но я счелъ нужнымъ отказаться отъ этого великодушнаго подаянія).

V.

Статья «Общаго Дѣла», о которой я упомянулъ въ предисловіи — упрекаетъ меня въ томъ, будто я, завѣдуя отдѣломъ пропаганды при арміи Балаховича, парализовалъ высоко-полезную агитаціонную дѣятельность Русскаго Политическаго Комитета. Комитетъ горделиво заявляетъ, что за выпущенныя мною воззванія онъ отвѣтственности на себя не беретъ.

Послѣднимъ заявленіемъ я чрезвычайно польщенъ. Если Политическій Комитетъ считаетъ непріемлемымъ воззваніе, обращенное къ крестьянамъ, рабочимъ и красноармейцамъ, съ призывомъ поступать въ народную, антибольшевистскую армію, то тѣмъ хуже для него. Нужно добавить, что эти воззванія, съ одобренія Савинкова были напечатаны въ его редакціи «Свобода». Другихъ воззваній я не выпускалъ.

Что же касается перваго заявленія, то оно основано на очевидномъ недоразумѣніи, если не на преднамѣренной лжи.

Какъ начальникъ отдѣльной крестьянской бригады, съ правами начальника дивизіи, я не могъ завѣдывать отдѣломъ пропаганды.

Впрочемъ, такого отдѣла при арміи Балаховича, за неимѣніемъ спеціальныхъ средствъ, и не было. Существовало лишь микроскопическое вспомогательное бюро для распредѣленія литературы, получаемой отъ Русскаго Политическаго Комитета и второго отдѣла польскаго генеральнаго штаба. Этимъ Бюро завѣдывалъ поручикъ Никольскій. Если литература, доставлявшаяся польскимъ штабомъ и носила мѣстами провокаціонный и антисемитскій характеръ, то отъ Савинкова, больше, чѣмъ отъ кого бы то ни было другого, зависѣла борьба съ этимъ печальнымъ явленіемъ. Но, разумѣется, Савинкову и въ голову не пришло осмѣлиться вступить въ конфликтъ съ польскимъ генеральнымъ штабомъ.

Зато онъ не постѣснялся выпустить подложное воззваніе «раскаявшагося» комиссара 58-ой совѣтской дивизіи Строганова, безъ вѣдома и согласія послѣдняго. Какъ верхъ наглаго подлога, это воззваніе было снабжено даже портретомъ мнимаго автора.

Интересно знать, продолжаетъ ли Русскій Политическій Комитетъ брать на себя отвѣтственность за это воззваніе.

Въ № 714 «Гол. Россіи» сообщалось:

«Въ мѣстечкѣ Броже подъ Бобруйскомъ убито 50, раненыхъ много. Въ Сквичицѣ убито 60, въ Старовѣ 12. Всѣ убійства произведены самымъ звѣрскимъ образомъ. Среди убитыхъ есть трупы съ отрѣзанными грудями, вырванными волосами и раздробленными черепами.

21 мая на поѣздъ, шедшій изъ Бобруйска въ Грудобѣльку, напала вооруженная банда, вырѣзала 18 евреевъ и среди нихъ еврейскаго милиціонера изъ Бобруйска, и тяжело ранила мальчика. За ними въ погоню былъ посланъ властями бронированный поѣздъ. Были взяты въ плѣнъ подпору-

чикъ Короткевичъ и др. члены вооруженной банды. У нихъ захвачено много продовольствія и царскихъ денегъ.

Кромѣ того, захвачена корзина съ прокламаціями, изданными Савинковскимъ «Союзомъ защиты родины и свободы». Въ прокламаціяхъ населеніе призывалось къ погромамъ подъ лозунгомъ:

«Бей жидовъ, спасай Россію».

Сообщеніе это никѣмъ не было опровергнуто. Точно также Савинковъ не указалъ, кто долженъ взять на себя отвѣтственность за подобнаго рода прокламаціи.

Предполагая, какъ я уже указывалъ въ предисловіи, выпустить спеціальную брошюру, посвященную еврейскимъ погромамъ, я не могу и здѣсь обойти молчаніемъ пресловутой лойяльности Савинкова-Балаховича въ еврейскомъ вопросѣ.

Дѣйствительно, Балаховичемъ былъ выпущенъ приказъ, поручавшій прапорщику Цейтлину сформированіе еврейскаго баталіона, но приказъ этотъ такъ и остался мертвой буквой.

Савинковъ объяснялъ это въ своихъ статьяхъ «недостаткомъ оружія». Однако, причина была гораздо глубже.

Послѣ практическихъ уроковъ гражданскаго равноправія, преподанныхъ еврейскому населенію во Влодавѣ, Камень-Каширскѣ, Ковелѣ, Туровѣ, Пинскѣ и т. д. евреи не обнаружили ни малѣйшаго желанія служить подъ Савинковско-Балаховичевскими знаменами и прапорщику Цейтлину не удалось собрать и десяти человѣкъ.

Въ самой же арміи Балаховича за все время ея существованія состояло четыре еврея: упомянутый капитанъ Елинъ, поручикъ Цейтлинъ, мой младшій адъютантъ, поручикъ Шикъ, и врачъ, фамиліи котораго не помню.

Для характеристики поведенія Русскаго Политическаго Комитета въ еврейскомъ вопросѣ считаю нужнымъ припомнить Савинкову слѣдующій эпизодъ.

Послѣ возвращенія изъ Камень--Каширска, куда я прибылъ черезъ нѣсколько дней послѣ произведеннаго тамъ соединенными польско-балаховичевскими войсками погрома, я подготовилъ проектъ воззванія къ еврейскому населенію.

Въ этомъ воззваніи указывалось, что высшее командованіе Народной Добров. Арміи гарантируетъ еврейскому населенію полное равноправіе и защиту и призываетъ евреевъ къ совмѣстной работѣ.

Балаховичъ это воззваніе подписалъ, но Русскій Политическій Комитетъ отказался его напечатать.

Два дня спустя я доложилъ объ этомъ ген. Балаховичу.

Передаю отвѣтъ Балаховича со стенографической точностью.

— «Бросьте, генералъ: какъ билъ жидовъ, такъ и буду бить; Борисъ Викторовичъ (Савинковъ) тоже недоволенъ этимъ воззваніемъ, находя, что еврейское населеніе не заслужило такой широкой автономіи».

(Это воззваніе, въ черновикѣ, находится у поручика Шика, Лодзь, Цегельняная 15).

Полагаю, что ген. Балаховичъ не откажется подтвердить вышеизложенное.

Довольно распространенное мнѣніе о противоположности взглядовъ Балаховича и Савинкова, мнѣніе, которое довольно ловко муссировалъ самъ Савинковъ, пользуясь равнодушіемъ Балаховича къ газетной полемикѣ, — сильно преувеличено.

Во время банкета, устроеннаго офицерами Крестьянской бригады въ честь Балаховича (въ

Римской гостинницѣ) Балаховичъ, въ застольной рѣчи сказалъ:

— «Сколько я бралъ у мужичковъ, никто не бралъ... Однако меня любили».

Это было сказано въ присутствіи представителя и родного брата Савинкова — пресловутаго «есаула» Виктора Викторовича, къ которому мы еще возвратимся.

Какъ же реагировалъ на подобное заявленіе демократъ Савинковъ?.

Производя въ Туровѣ смотръ Владиміръ-Волынскому полку крестьянской бригады, въ присутствіи начальника штаба полк. Лавочникова, поручика Шуньянца, командира полка и др. офицеровъ, Савинковъ закончилъ свою рѣчь такими словами:

— «Нашъ славный батька Балаховичъ, непобѣдимый, безстрашный, сейчасъ гдѣ то въ тылу у большевиковъ, взялъ много плѣнныхъ, и къ нему тысячами стекаются зеленые. Несмотря на наше отступленіе мы побѣдимъ. Наши неудачи происходятъ не отъ слабости нашихъ силъ или трусости, а отъ измѣны нѣкоторыхъ частей, продавшихся жидамъ. Я теперь убѣдился, что жиды являются нашими злыми геніями: большевики имъ милѣй. Когда пойдемъ впередъ, то жида, пойманнаго въ станѣ большевиковъ, не щадите. Помните, что гдѣ рубятъ лѣсъ, щепокъ не жалѣютъ. А теперь прокричимъ «ура» нашему любимому батькѣ — Балаховичу».

Вѣроятно, подъ этими словами не отказался бы подписаться самъ Балаховичъ.

Удивительно, какъ послѣ подобныхъ выступленій у Савинкова хватило духу распинаться на страницахъ «Свободы» въ защиту евреевъ, еврейскаго равноправія и собственной широкой терпимости.

Послѣ воинственной рѣчи о наступленіи, Савинковъ черезъ два часа укатилъ на автомобилѣ въ Варшаву, гдѣ предался писанію своихъ боевыхъ впечатлѣній въ качествѣ «добровольца при первомъ конномъ полку».

Не лишне замѣтить, что Савинковъ продѣлывалъ походъ въ автомобилѣ съ г-жей Деренталь, двумя адъютантами, личнымъ секретаремъ казначеемъ, кухней, канцеляріей и сотней казаковъ «охранявшей денежный ящикъ».

Этотъ же конный полкъ, прославившійся погромами и грабежами, преподнесъ Савинкову великолѣпную шубу, несомнѣнный «даръ признательнаго населенія».

Шуба была принята съ удовольствіемъ; ея изображеніе слѣдовало бы помѣстить въ фамильномъ гербѣ Савинкова.

VI.

Имѣя возможность на польскія деньги осквернять ежедневно русское печатное слово газетой «Свобода», Савинковъ, не ограничиваясь этимъ, обратился къ «повторенію предыдущаго» и выпустилъ въ Варшавѣ двѣ брошюры, представляющія сборники статей, напечатанныхъ въ его рептиліи въ 1920 и 1921 году.

Одна изъ брошюръ носитъ претенціозное названіе «За Родину и Свободу», другая: «Наканунѣ новой революціи».

Брошюры эти интересны, какъ живая иллюстрація постоянныхъ противорѣчій не только между словами и дѣлами Савинкова, но и внутреннихъ самопротиворѣчій его писаній.

Первая брошюра снабжена широковѣщательнымъ предисловіемъ и рекламной до безстыдства біографіей, написанной однимъ изъ бывшихъ Савинковскихъ подлипалъ, нынѣ его злѣйшимъ врагомъ «журналистомъ» С. М. Кельнячемъ.

Многія строки этой брошюры, если-бы онѣ не носили самодовольно-нравоучительнаго характера, могли бы показаться жестокимъ самобичеваніемъ.

Ссылаясь на Пушкина, впрочемъ, ни къ селу, ни къ городу, Савинковъ пишетъ:

«Мы глупы, злы, неблагодарны». Для того, чтобы не разрушать, а строить, нуженъ умъ, нужно отпущеніе грѣховъ, нужна признательность ко всѣмъ строителямъ, ко всѣмъ архитекторамъ жизни. Бравый деникинскій партизанъ-грабитель не строилъ «третьей» Россіи. Тыловой спекулянтъ разрушалъ ее. И не строятъ, а разрушаютъ тѣ, кто личное самолюбіе ставитъ выше родной страны, тѣ, кто произнося демократическія слова, сохранили всѣ навыки и обычаи прошлаго.

Не строятъ, а разрушаютъ тѣ, которые, провозглашая единеніе, на самомъ дѣлѣ разъединяютъ и, не умѣя прощать грѣховъ, не замѣчаютъ бревна у себя въ глазу. Нетрудно написать какую угодно программу. Но какъ исполнить ее».

Дѣйствительно, какъ исполнить ее?

Казалось бы, Савинкову, какъ практическому политику, меньше всего пристало задавать столь наивные вопросы.

Но въ томъ то и суть, что программа написанная Савинковымъ, или, вѣрнѣе, написанная для Савинкова, несмотря на свою туманность, не заключала въ себѣ ничего, могущаго возбудить особыя сомнѣнія или возраженія.

Однако, и средства, и люди, избранные Савинковымъ для проведенія въ жизнь этой программы, равно, какъ и личное его поведеніе, отталкивали отъ него не только мало-мальски порядочныхъ, но и просто осторожныхъ людей. Зато на него, какъ на путеводный огонекъ, охотно слетались авантюристы, воры, погромщики, дезоріентированные интеллигенты, вродѣ Философова и выживающіе изъ ума мистическіе доктринеры, вродѣ Мережковскаго. Впрочемъ, и Мережков-

скій счелъ за благо перекочевать въ Парижъ, и, судя по его послѣднимъ писаніямъ, поколебался въ своихъ польскихъ симпатіяхъ, и разочаровался въ границахъ 1772 года.

Ближайшее окруженіе Савинкова весьма подробно охарактеризовалъ нѣкій «хорошо освѣдомленный», когда «Свобода» попробовала было вступиться за своего хозяина:

«Ясно, что г. Рымеръ, редакторъ разухабистой «Свободы» за полученные на дняхъ отъ польскаго правительства десять милліоновъ мар., такъ или иначе, обязанъ защитить клику Савинкова, во главѣ съ Д. В. Философовымъ. (Истинной «душой» газеты является г. Португаловъ).

Однако, мы можемъ напомнить г-ну Рымеру, что въ гостинницѣ «Преторія», на Зельной улицѣ помѣщается культурно-просвѣтительная комиссія, возглавляемая Философовымъ и называемая теперь отдѣломъ пропаганды. При этомъ отдѣлѣ существуетъ такъ называемое отдѣленіе информаціи или контръ-развѣдки, непосредственно подчиненное Д. В. Философову. Отдѣломъ информаціи вѣдаетъ г-жа Анрепъ, у которой г. Рымеръ бываетъ ежедневно отъ 11 до 12, получая матеріалъ для своей газетки. Г-нъ Федоровъ, студентъ кіевскаго высшаго учебнаго заведенія, племянникъ прокурора Кіевской судебной Палаты Племянникова, кромѣ своихъ непосредственныхъ секретарскихъ и другихъ обязанностей вѣдаетъ развѣдкой. Агентомъ связи между Федоровымъ и бывшимъ сотрудникомъ внутренняго наблюденія бывшаго Петроградскаго охраннаго отдѣленія, въ настоящее время состоящимъ начальникомъ Варшавской политической полиціи г. Снарскимъ состоитъ военный юристъ полк. Лисовскій. Г-нъ Рымеръ, а въ особенности Португаловъ, не могутъ отрицать того обстоятельства, что они въ апрѣлѣ мѣсяцѣ

познакомились въ гостинницѣ «Преторія» съ г. Снарскимъ, встрѣтившись тамъ въ комнатѣ г-жи Анрепъ, гдѣ ихъ представилъ Снарскому самъ Д. В. Философовъ. Когда до свѣдѣнія г-жи Анрепъ дошло, что всевозможные компрометирующіе счета и документы попали въ руки офицеровъ арміи Пермикина, то по распоряженію Савинкова, былъ вызванъ бывшій начальникъ его развѣдки г. Фабриціусъ, у котораго сохранялись какіе-то документы по обвиненію Пермикинской группы въ германофильствѣ. Совѣщаніе изъ всѣхъ вышеуказанныхъ лицъ, разсмотрѣвъ ничего не значущіе документы, по предложенію г. Снарскаго, бывшаго сотрудника ротмистра Терехова, создало дѣло объ организаціи покушенія на жизнь Савинкова, исходящее, якобы, отъ правыхъ круговъ Берлина. Это совѣщаніе состоялось ровно за 9 дней до ареста Пермикинской группы. А впослѣдствіи детальная разработка дѣла о «покушеніи» была организована на Братской улицѣ 17 въ помѣщеніи Варшавской политической полиціи, куда ежедневно въ 6 часовъ вечера являлись г. Фабриціусъ и полковникъ Лисовскій. До чего доходила наглость этихъ господъ по фабрикаціи документовъ, можно судить по тому, что замѣститель Снарскаго г. Герцъ, бывшій старшій филеръ наружнаго наблюденія Снарскаго, не выдержалъ и въ присутствіи своихъ сослуживцевъ и постороннихъ лицъ, явившихся за полученіемъ документовъ, заявилъ, обращаясь къ одному изъ русскихъ офицеровъ: «ну, и штучка вашъ Фабриціусъ и Лисовскій. -Скажите, за что Фабриціусъ разогналъ комитетъ?» Русскій офицеръ Ц. пожалъ плечами и отвѣтилъ полнымъ незнаніемъ.

«Бѣдный» Фабриціусъ до пріѣзда Савинкова такъ нуждался, что пользовался безплатными обѣ-

дами Краснаго Креста; это могутъ подтвердить книги «отдѣла пособій» Варшавскаго Краснаго Креста. Конечно, г. Рымеръ въ своей замѣткѣ «На лету» не можетъ отрицать факта, что Фабриціусъ въ настоящее время состоитъ директоромъ Русско-Польской артели для торговли съ Совѣтской Россіей, т. к. эта артель зарегистрирована въ польскомъ министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ среди учредителей значится г-нъ Фабриціусъ со внесеннымъ имъ капиталомъ, а свѣдѣнія о суммѣ капитала не откажется дать предсѣдатель артели, полковникъ Тугановскій, живущій въ Варшавѣ на Ново-Сенаторской улицѣ, д. № 4, кв. 2; полковникъ Тугановскій также не былъ обойденъ въ свое время вниманіемъ г. Снарскаго, которымъ былъ арестованъ въ августѣ 1920 года.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1917 года, когда въ Петроградѣ и Москвѣ были опубликованы списки провокаторовъ, г. Снарскій скрылся изъ Петрограда и уже во время Германской оккупаціи его видѣли въ 1918 г. въ Минскѣ, гдѣ онъ оказался владѣльцемъ музыкальнаго магазина. Если такъ необходимо редакціи «Свободы» знать тѣ данныя, каковыя связали почтеннаго Д. В. Философова съ г. Федоровымъ — мы неоткажемъ въ дальнѣйшемъ ихъ сообщить вплоть до совмѣстнаго проживанія на одной квартирѣ г. Философова съ г. Федоровымъ по Сѣнной ул., д. 21, кв. 28. («Гол. Россіи» № 707).

«Мы глупы, злы, неблагодарны»...

Да, это въ полной мѣрѣ примѣнимо къ Савинкову и его компаніи.

Глупость ихъ заключается въ томъ, что они могли разсчитывать на искренность польскаго правительства, и на возможность возсозданія Россіи польскими руками. Теперь, когда, по требо-

ванію совѣтскаго правительства, савинковцевъ выгоняютъ изъ Польши, это ясно и для слѣпого, но это можно было предвидѣть и гораздо раньше, при честномъ отношеніи къ дѣлу.

«Союзъ Россіи и Польши, — писалъ Савинковъ, — гарантируетъ на долгіе годы не только Россію и Польшу, но и всю Европу отъ угрозы новой войны, ибо если снова суждено войнѣ быть, то она будетъ опять на востокѣ, на польскихъ и на нашихъ границахъ. Союзъ Россіи и Польши не позволитъ ослабленной нынѣ Германіи угрожать ни той, ни другой сторонѣ, не позволитъ нѣмцамъ ни оружіемъ, ни мирно завоевать Россію и обезпечить свободный ростъ и свободное развитіе двухъ славянскихъ орловъ.

Для меня въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Болѣе того, для меня нѣтъ сомнѣнія, что всякое иное рѣшеніе вопроса поведетъ къ новымъ бѣдствіямъ, долгимъ и тяжкимъ, и что все равно, хотя бы цѣною этихъ безчисленныхъ бѣдствій, два славянскихъ народа рано или поздно заключатъ между собой спасительный для нихъ, естественный и неизбѣжный союзъ».

Какъ пріятно теперь Савинкову наблюдать осуществленіе его завѣтныхъ мечтаній о русско-польскомъ союзѣ; къ какимъ блестящимъ результатамъ привело его оплаченное польскимъ генеральнымъ штабомъ германофильство...

Кстати, Савинковъ всегда стыдливо умалчивалъ о происхожденіи средствъ, на которыя издается «Свобода». Въ настоящее время я могу пролить нѣкоторый свѣтъ на это темное дѣло.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ тек. (1921) года появилась въ «Г. Р.» одна за другой слѣдующія замѣтки:

«Сеймовая комиссія по иностр. дѣламъ по предложенію своего предсѣдателя Грабскаго (брата

б. мин. фин.) утвердила 50,000,000 кредитъ мин. ин. дѣлъ на субсидированіе, черезъ подставныхъ лицъ, иностранной и русской прессы. Цѣль — агитація въ пользу признанія границъ, установленныхъ рижскимъ трактатомъ. Иниціатива ассигнованія, какъ увѣряютъ, исходила отъ предсѣдателя Русско-Польскаго Клуба, гр. Тышкевича.» —

«Расходы по газетѣ «Свобода» достигаютъ 6,000,000 польск. м. въ мѣсяцъ».

«Бывшій замѣститель предсѣдателя русскаго политическаго комитета въ Варшавѣ Д. Философовъ вошелъ съ новымъ ходатайствомъ къ начальнику государства съ просьбой объ ассигнованіи 10 милл. польскихъ марокъ для поддержанія Савинковской газеты «Свобода». Деньги были отпущены».

Замѣтки, какъ и слѣдовало ожидать, никѣмъ опровергнуты не были.

Недавно я прочелъ въ «Свободѣ» (№ 250):

— «Въ «Кур. Польск.» въ № отъ 20 октября напечатана подъ заглавіемъ: «выселеніе русскихъ» такая замѣтка:

«Вслѣдствіе договора, заключеннаго между помощникомъ Государственнаго Секретаря г. Домбскимъ и г. Караханомъ, приступлено къ выселенію русскихъ, обвиненныхъ въ поддержкѣ въ Польшѣ вооруженныхъ дѣйствій противъ совѣтской Россіи.

Шестеро изъ нихъ уже получили нѣсколько дней тому назадъ отъ М-ва Иностр. Дѣлъ предупрежденія о выселеніи и покинули Польшу...

Это гг. Борисъ Савинковъ, Викторъ Савинковъ, Одинецъ, генералъ Ярославцевъ, Рудинъ и Дикгофъ-Дерентaль.

Вчера получили также повѣстки съ указаніемъ срока выѣзда на сегодняшній день гг. Уляницкій,

полк. Гнилорыбовъ, издатель «Россика» — Мягковъ и г. Эрдманъ».

Итакъ, Савинковъ, оказывается, дѣйствительно былъ глупъ, если хоть на минуту вѣрилъ въ практическую цѣлесообразность пресмыкательства передъ Пилсудскимъ.

Но онъ былъ и въ достаточной степени золъ, чтобы не позволить другимъ спасти изголодавшуюся и отчаявшуюся русскую эмиграцію въ Польшѣ отъ этого прискорбнаго заблужденія.

Наконецъ неслыханныя истязанія, которымъ подвергались интернированные русскіе въ Польшѣ («бѣлые» не менѣе, если не болѣе, чѣмъ «красные»), конечно не были тайной для Савинкова, агентамъ котораго былъ предоставленъ широкій доступъ въ концентраціонные лагери, въ цѣляхъ вербовки.

Однако, со свойственной ему жестокостью расчетливаго кондотьера, онъ не возвысилъ своего голоса въ ихъ защиту, наоборотъ, по компетентному свидѣтельству бывшаго завѣдующаго культурно-просвѣтительнымъ отдѣломъ Савинковскаго Комитета, Н. А. Тандефельда, — приложилъ всѣ усилія, чтобы не допустить съѣзда представителей интернированныхъ, и зажать рты всѣмъ «недовольнымъ».

Савинковъ отличался всегда и крайней неблагодарностью къ тѣмъ, подъ чьимъ флагомъ онъ пытался дѣйствовать, за исключеніемъ, развѣ, поляковъ, что, впрочемъ, совершенно не входило въ его расчеты.

Въ открытомъ письмѣ ген. Врангелю, которое мы уже цитировали, Савинковъ писалъ:

«Мы, русскіе патріоты, безъ различія партій, монархисты, республиканцы и соціалисты — ви-

димъ въ Васъ носителя русскаго національнаго флага. Мы желаемъ Вамъ и Вашей доблестной арміи полнаго успѣха въ святомъ дѣлѣ освобожденія родины отъ большевиковъ. Мы съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдимъ за Вашимъ продвиженіемъ впередъ, радуемся Вашимъ побѣдамъ и гордимся славою Вашего оружія. Каждый изъ насъ готовъ всемѣрно содѣйствовать Вамъ и положить свои силы на служеніе родной землѣ».

Но уже немного спустя, 27-го января 1921 года онъ писалъ діаметрально-противоположное.

«И Колчакъ и Юденичъ, и Деникинъ, и Врангель, вѣроятно въ глубинѣ души мечтали о реставраціи. Они разбиты. Монархическая идея показала свою устарѣлость. Она погребена отнынѣ навѣки»...

И, послѣ подобострастнаго реверанса въ сторону эсъ-эровъ, которые, что называется, и плюнуть на Савинкова не хотѣли, слѣдуетъ тотъ же припѣвъ, что и въ письмѣ къ Врангелю: «Да укрѣпится эта вѣра моя... и пр.»

Савинковъ такъ часто мѣнялъ свою вѣру, что и укрѣпиться ей было некогда. Служилъ Керенскому — предалъ Керенскаго; служилъ Колчаку— предалъ Колчака; служилъ Врангелю — сталъ издѣваться надъ Врангелемъ; прикрывался Балаховичемъ — сталъ изобличать Балаховича.

Какъ мы уже видѣли, самостоятельность правой и лѣвой руки, не говоря уже объ ихъ обоюдной ловкости, развиты у Савинкова до высокой степени совершенства.

Вспоминаю такой случай.

Послѣ отъѣзда Савинкова изъ Владавы, я, въ частной бесѣдѣ съ Балаховичемъ, въ присут-

ствіи ротмистра Тимченко, сказалъ: «Сегодня я потерялъ 40% вѣры въ успѣхъ нашего дѣла». — Почему? — Спросилъ Балаховичъ. «Съ нами Савинковъ, а онъ для всѣхъ военныхъ организацій человѣкъ роковой; гдѣ онъ — тамъ провалъ, и, вѣрьте, все закончится большимъ конфузомъ и посрамленіемъ вашего и другихъ именъ».

Балаховичъ, покачавъ головой, отвѣтилъ, что это предразсудокъ.

Къ сожалѣнію, «предчувствіе» меня не обмануло.

«Предчувствіе» ли только?

VII.

«Генералъ Врангель во весь голосъ кричалъ въ вагонѣ генералъ-квартирмейстера буквально слѣдующее: «гдѣ же честные люди. Гдѣ, Германъ Ивановичъ (ген. Коноваловъ) честные, умные, способные люди. Гдѣ мнѣ ихъ взять»? (Ал. Нѣмовъ «Въ поѣздѣ ген. Врангеля»).

«Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ ихъ взять. Вы выдаете жалованіе полку. Черезъ полчаса казначей убѣгаетъ съ денежнымъ ящикомъ — солдаты и офицеры остаются безъ денегъ. Вы назначаете начальника военно-судной части при арміи; у этого, съ позволенія сказать, «судьи» находятъ при обыскѣ золотыя монеты. Вы соглашаетесь на авансъ— авансъ прокучивается въ ресторанахъ Варшавы. Вы довѣряете отвѣтственному лицу извѣстную сумму—отчетность составляется такъ, что уже виднѣется рѣшетка тюрьмы. И далѣе: такой-то торговалъ «юденками» въ Ревелѣ; такой-то спекулировалъ въ Гданскѣ; такой-то пріобрѣлъ себѣ выѣздъ; такой-то «потерялъ» казенный автомобиль. Гдѣ честные люди. Гдѣ люди, не ворующіе платковъ изъ кармана.

Но человѣкъ, ворующій платки — явленіе элементарное. Явленіе болѣе сложное — военный гра-

битель. «Покупить» — значитъ ограбить, наложить контрибуцію. Такой-то собралъ евреевъ въ какомъ то мѣстечкѣ и «посовѣтовалъ» подарить ему бриллiантовое кольцо. Такой-то приказалъ сломать дверь и «покупилъ» сразу весь магазинъ. Такой-то снялъ шубу съ чужого плеча. Такой то хвастался, что у него есть «милліонъ царскихъ»... Еще разъ спрашиваю, гдѣ честные люди. («Свобода», 11-го января 1921 года).

Такимъ истерическимъ воплямъ предавался Савинковъ въ своей газетѣ, дѣлая видъ, что и въ немъ, наконецъ, заговорила совѣсть.

Разбитый и ошельмованный во всѣхъ отношеніяхъ, онъ все еще пытался кого то увѣрить, что: «Честные люди есть, — слава Богу, не оскудѣла наша родная земля. Но искать ихъ нужно въ лѣсахъ, лагеряхъ, въ казармахъ, за проволокой, въ эскадронахъ и ротахъ, на хуторахъ и въ деревнѣ», что не всѣ, дескать среди «насъ» — воры и мошенники.

Савинковъ усиленно сваливалъ вину за казнокрадство и грабежи на «высшій командный составъ», подъ которымъ прозрачно понимался ген. Балаховичъ.

Однако, это не помѣшало ему, не говоря уже о благосклонномъ принятіи «шубы съ чужого плеча», назначить своего родного брата, Виктора Викторовича, безконтрольно распоряжаться огромными суммами «особаго назначенія».

Этотъ милый братецъ, прибѣжавшій изъ Совдепіи какъ разъ во время, т. е. къ моменту дѣлежа фондовъ, отпущенныхъ Савинкову «на формированіе», представлялъ собою малокультурнаго дѣтину, съ наружностью и манерами казачьяго урядника, съ большой дозой примитивнаго нахаль-

ства и смѣшной наигранной важности. Савинковская челядь няньчилась съ нимъ, какъ изъ страха передъ всесильнымъ братомъ, такъ и изъ надежды «урвать клочекъ медвѣжьяго ушка».

Викторъ Савинковъ, ведя широкій образъ жизни, совершенно несоотвѣтствовавшій получаемому содержанію, выписывалъ не стѣсняясь значительныя суммы на «агентурные расходы», и съ его дѣятельностью удивительнымъ образомъ совпалъ хронологическій рядъ похищеній у Савинкова денегъ, цѣнностей, и документовъ.

Вотъ что сообщалъ по этому поводу «Голосъ Россіи» (№ 710).

«Варшава, 12 іюля (соб. кор.).

Въ маѣ мѣсяцѣ этого года въ гостинницѣ Брюлевской, въ номерѣ, занимаемомъ Бор. Савинковымъ, была совершена крупная кража. Похитители воспользовались тѣмъ, что Савинковъ со своими приближенными ужиналъ внизу въ ресторанѣ. Похищеніе произошло при помощи подобраннаго ключа; вскрыли несгораемый шкафъ, откуда похитили 500 тыс. царскими рублями, 8 милл. польскими марками, 40,000 франками и русскихъ золотыхъ монетъ по стоимости ихъ въ 1914 г. на 24 тыс. При этомъ забрали драгоцѣнности, принадлежащія Савинкову и супругѣ его секретаря Дикгофъ-Деренталь. Похитили также всю секретную переписку, хранившуюся въ несгораемомъ шкафу. Среди переписки было много писемъ Пилсудскаго къ Савинкову и соглашеніе съ польскимъ правительствомъ объ образованіи самостоятельной Бѣлоруссіи подъ протекторатомъ Польши; договоръ Петлюры—Савинкова и Польскаго правительства объ уступкѣ западныхъ уѣздовъ Волынской и Подольской губ. Польшѣ за услугу, оказанную Савинкову и Петлюрѣ по формированію арміи и др.

Похищены также всѣ доклады (копіи) быв. русскаго воен. агента Долинскаго ген. Деникину и проскрипціонный списокъ всѣхъ русскихъ эмигрантовъ, раздѣленныхъ на антантофиловъ, германофиловъ и большевиковъ, доставленныхъ польскому генеральному штабу офицеромъ миссіи Долинскаго Кир. Ширинскимъ-Шихматовымъ.»

Несмотря на всѣ усилія варшавской полиціи по розыску похищеннаго, розыски въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ не увѣнчались успѣхомъ и теперь это стало извѣстно въ Варшавѣ.

Б. В. Савинковъ плакался въ жилетъ всѣмъ и каждому, будто онъ не находитъ честныхъ людей.

Однако, онъ не только ихъ не искалъ, но и назначалъ на отвѣтственныя должности завѣдомыхъ мошениковъ съ уголовнымъ прошлымъ, не взирая на предупрежденія.

Выше было приведено его изумленіе по поводу поведенія полковника, начальника военно-судной части арміи Балаховича, у котораго при обыскѣ были найдены заимствованныя у населенія золотыя монеты (по другой, болѣе достовѣрной версіи — золотыя часы).

Этотъ «полковникъ» не кто иной, какъ хорошо извѣстный въ Крыму г. Добжанскій, бывшій при Деникинѣ Начальникомъ Симферопольской бригады Государственной стражи. Тамъ онъ прославился взяточничествомъ, вымогательствомъ и ничѣмъ не оправдываемою жестокостью по отношенію къ беззащитному населенію. Когда его Крымской карьерѣ былъ положенъ невольный предѣлъ, и только общій переполохъ спасъ его отъ скамьи подсудимыхъ, доблестный «полковникъ» неисповѣдимыми путями пробрался въ Варшаву, и, конечно, предложилъ Савинкову свои услуги. Не-

смотря на мои предупрежденія о прошломъ г. Добжанскаго, несмотря на то, что присланный въ армію, онъ, по моему докладу, былъ деликатно спроваженъ въ Варшаву Балаховичемъ младшимъ, замѣнявшимъ въ то время командующаго арміей, несмотря на все это, Савинковъ настоялъ на назначеніи Добжанскаго, результаты чего не замедлили сказаться. Замѣчу вскользъ, что этотъ же Добжанскій умудрился вывести въ расходъ на извозчиковъ свыше 130000 польскихъ марокъ въ мѣсяцъ, что, по тогдашнему курсу, представляло не менѣе 13,000 нѣмецкихъ, или 3000 франковъ. По Варшавскимъ цѣнамъ, тогда это было цѣлое состояніе, котораго нельзя было израсходовать, если бы Добжанскій раскатывалъ на извозчикахъ даже по 24 часа въ сутки.

Я привожу этотъ случай, какъ особенно характерный, ибо тутъ уже Савинковъ никакъ не можетъ сослаться, въ свое оправданіе, ни на высшее командованіе, ни на свою мнимую довѣрчивость. Остается прибавить, что Добжанскій даже не военный юристъ, т. е. не спеціалистъ военно-суднаго дѣла, и замѣнить его было проще простого.

Не подлежитъ также сомнѣнію, что Главному Интенданту Балаховича Елину не въ одинъ день удалось присвоить свыше 30,000,000 польскихъ марокъ, что Савинковъ, при широко развитомъ въ его учрежденіи шпіонажѣ, не могъ не знать о подвигахъ Елина, и что при связяхъ Савинкова съ Пилсудскимъ этому грабежу среди бѣлаго дня могъ быть положенъ предѣлъ гораздо раньше, чѣмъ это произошло въ дѣйствительности. Впрочемъ, такая борьба не устраивала Савинкова, такъ какъ Елинъ имѣлъ защитниковъ и соучастниковъ въ главныхъ польскихъ военныхъ управленіяхъ,

благосклонность которыхъ Савинковъ цѣнилъ превыше всего остального.

Когда Елинъ, будучи уже посаженъ въ цитадель, предлагалъ Русскому Политическому Комитету субсидію въ 30,000,000 за содѣйствіе своему освобожденію, это предложеніе обсуждалось самымъ серьезнымъ образомъ, и не было принято лишь ввиду его полной практической неосуществимости, такъ какъ Пилсудскій не даетъ потачки изобличеннымъ казнокрадамъ.

Какъ велась у Савинкова отчетность, видно хотя бы изъ того, что онъ требовалъ отъ Балаховича представленія оправдательныхъ документовъ въ то время, какъ документы эти (о неоспоримости ихъ говорить не будемъ) находились давнымъ давно въ Савинковской канцеляріи, и были розысканы среди груды всякихъ ничтожныхъ бумагъ лишь послѣ категорическаго протеста Балаховича. Этотъ инцидентъ имѣлъ мѣсто въ февралѣ текущаго года.

Уже въ то время, какъ писались эти строки, я узналъ, что группа бывшихъ чиновъ арміи Савинкова и Балаховича подала заявленіе Военному Прокурору о массовыхъ злоупотребленіяхъ со стороны бывшаго Эвакуаціоннаго Комитета Савинкова съ суммами, отпускаемыми польскимъ правительствомъ на содержаніе интернированныхъ солдатъ и офицеровъ бывшей арміи Пермикина и Балаховича. Въ заявленіи указывается рядъ фактовъ по израсходованіи кредитовъ, предназначенныхъ на лагеря, а въ дѣйствительности использованныхъ на политическія цѣли, на содержаніе членовъ Савинковскаго Союза «Защиты родины» и личныя потребности самого Бориса Савинкова и г-жи Дикгофъ-Деренталь.

Впрочемъ, эта канитель тянется уже давно. Еще въ мартѣ «Русспрессъ», бывшее агентство Савинкова, сообщало:

«По предложенію Мин. Юстиціи судебными властями начато предварительное слѣдствіе по обвиненію ген. Булакъ-Балаховича въ рядѣ правонарушеній, совершенныхъ его отрядомъ на территоріи Польши. Слѣдствіе должно установить степень личной виновности Булакъ-Балаховича въ преступленіяхъ, приписываемыхъ ему лѣвыми группами сейма, недавно обратившимися къ правительству съ соотвѣтствующимъ запросомъ.

VIII.

Подводя краткіе итоги дѣятельности стаи славныхъ Савинковско-Балаховскихъ орловъ, я не могу не подчеркнуть, что вся тяжесть отвѣтственности за ихъ дѣятельность ложится, по преимуществу, на Савинкова.

Балаховичъ, въ лучшемъ случаѣ, могъ явиться лишь орудіемъ, тараномъ, пробивающимъ дорогу для Савинкова. Онъ былъ и остался лихимъ рубакой, солдатомъ въ самомъ грубомъ, первобытномъ значеніи этого слова. Не щадя собственной жизни, онъ тѣмъ не менѣе думалъ о чужихъ жизняхъ. Онъ видѣлъ предъ собой лишь чисто географическія цѣли, для достиженія которыхъ въ его прямолинейномъ сознаніи всѣ средства хороши. Даже слабыя попытки борьбы съ погромами, предпринятыя имъ, вызывались отнюдь не гуманными, а чисто практическими соображеніями: армія, которая систематически грабитъ, теряетъ свою боеспособность.

Наконецъ, что совершенно ясно изъ послѣдняго заявленія Балаховича, онъ считалъ себя полякомъ-защитникомъ Польши, а вовсе не возстановителемъ свободной, демократической Россіи.

Совсѣмъ другое дѣло — Савинковъ.

Его происхожденіе, его, столь усердно афишируемое имъ революціонное прошлое, даже напыщенная и неискренняя фразеологія его писаній— обязывали его къ другому. И все вышло наоборотъ.

Русскій патріотъ оказался жалкимъ, презрѣннымъ прислужникомъ мертворожденнаго польскаго имперіализма.

Прославленный демократъ — игрушкой въ рукахъ людей, далекихъ отъ всякаго демократизма.

Проповѣдникъ высокой честности — покровителемъ и панибратомъ завѣдомыхъ грабителей.

Защитникъ и радѣтель русскихъ эмигрантовъ — предметомъ ихъ величайшей ненависти и презрѣнія.

Степень этихъ чувствъ можетъ быть лишь приблизительно уяснена изъ слѣдующей статьи одного изъ русскихъ эмигрантовъ, бѣжавшаго изъ Польши въ Германію («Гол. Россіи» № 657):

«Проживающіе въ Польшѣ русскіе граждане держатся вполнѣ нейтрально и болѣе чѣмъ лойяльно.

Между тѣмъ, польское правительство, чувствуя ускользающую подъ ногами почву, желая направить общественное вниманіе въ другую сторону, предприняло грандіозныя гоненія на русскихъ и на евреевъ. Въ этомъ дѣлѣ, къ позору нашему и стыду, полякамъ дѣятельно помогаетъ Борисъ Савинковъ. Наглость Савинкова дошла до того, что онъ сталъ откровенно помѣщать на страницахъ газеты «Свобода» письма какихъ-то легендарныхъ крестьянъ, конечно, анонимная, въ которыхъ излагаются просьбы крестьянъ, чтобы «господинъ хорошій Савинковъ — сталъ русскимъ царемъ-батюшкой». Неменьшей наглостью

отличается также сотрудникъ Савинкова, Булакъ-Балаховичъ, прославившійся еврейскими погромами, по жестокости превосходящими даже рѣзню евреевъ въ 1918 году петлюровцами на Украинѣ. Булакъ-Балаховичъ объявилъ себя главою Бѣлоруссіи.

Начальникъ Польскаго Государства Пилсудскій назначилъ Савинкова своего рода диктаторомъ надъ русскими эмигрантами.

Въ Варшавѣ есть двѣ эмигрантскихъ стололовыхъ Миссіи Русскаго Краснаго Креста, гдѣ всегда полно обѣдающей русской интеллигенціей. По распоряженію Савинкова, за послѣднее время, былъ произведенъ цѣлый рядъ полицейско-жандармскихъ облавъ на русскую публику въ этихъ столовыхъ, причемъ, ни за что ни про что, десятки лицъ подвергались унизительному аресту. Оказывается, Савинковъ такимъ образомъ хотѣлъ найти какихъ-то офицеровъ, которыхъ онъ якобы снабдилъ большими деньгами, дабы они ѣхали въ совѣтскую Россію устраивать покушенія на комиссаровъ, а эти офицеры, якобы, прокутили въ варшавскихъ ресторанахъ всѣ деньги.

Польская казна совершенно пуста, сама Польша наканунѣ полнаго финансоваго и экономическаго краха, а, между тѣмъ, польское правительство выдаетъ сотни милліоновъ на петлюровскую и савинковскую авантюры. Савинковъ содержитъ безчисленныя канцеляріи, управленія, цѣлыя министерства, собственную жандармерію, сыщиковъ и провокаторовъ. Агенты Савинкова шныряютъ вездѣ и всюду.

Савинковъ является у поляковъ только ширмою, за которой дѣлается на поляхъ Бѣлоруссіи и Украины польская политика.

А вотъ другой образчикъ патріотическихъ подвиговъ Савинкова, примѣръ отеческой заботливости этого «всероссійскаго погорѣльца», какъ онъ себя называлъ, о русскихъ офицерахъ.

Въ «Гол. Россіи» (№ 660) читаемъ:

«Варшава. (Соб. кор.). Послѣ десятимѣсячнаго заключенія въ Мокотовской тюрьмѣ сошелъ съ ума и перевезенъ въ Творки поручикъ русской службы Кругликовскій, арестованный въ свое время польскими властями, по соглашенію съ Савинковымъ.

«Исторія поруч. Кругликовскаго такова. Онъ былъ приглашенъ Савинковымъ въ качествѣ вербовщика, когда формировалась савинковская армія. Послѣ поѣздки въ концентраціонный лагерь въ Щипіорно, онъ вернулся съ двумя офицерами-делегатами, которыхъ представилъ замѣстителю Савинкова — Философову. Делегаты обратились къ Ф. съ просьбой разъяснить, что означаетъ позиція послѣдняго въ вопросѣ о «границахъ 1772 г.». Ф., усмѣхнувшись сказалъ:

— «Чудаки. Кто же серьезно учитываетъ Польшу. Да мы ей сейчасъ отдадимъ хоть по Уралъ, лишь бы намъ сорганизовать армію».

Офицерамъ не понравился такой цинизмъ. По возвращеніи въ Щипіорно, они и ихъ товарищи потребовали отъ пор. Кругликовскаго выхода изъ Савинковской организаціи.

Въ частномъ разговорѣ, въ Варшавѣ, К. откровенно изложилъ причины своей отставки.

Разговоръ былъ подслушанъ польскимъ агентомъ, и доложенъ жандармамъ и Савинкову, въ результатѣ чего явилось интернированіе пор. К».

Ненависть къ Савинкову была перенесена русской колоніей въ Варшавѣ и на его сторонниковъ. Когда въ іюнѣ тек. (1921) года въ Варшавскомъ

эмигрантскомъ комитетѣ произошли перевыборы Правленія, то предсѣдателемъ комитета единогласно былъ переизбранъ В. И. Семеновъ, несмотря на всѣ усилія Савинкова и группы Любимовой, желавшихъ видѣть на посту предсѣдателя кн. Мещерскаго или В. Коростовца, бывшихъ чиновниковъ канцеляріи Савинкова. На общемъ собраніи В. Коростовецъ, подъ крики «предатель» и «измѣнникъ» вынужденъ былъ оставить собраніе, а Мещерскій получилъ всего 40 голосовъ.»

IX.

Въ маѣ текущаго года ко мнѣ явилось четверо делегатовъ отъ главнаго повстанческаго комитета Херсонщины, прибывшихъ въ Польшу для переговоровъ съ русскими политическими дѣятелями. Послѣ мѣсячнаго странствованія, въ нищенскомъ видѣ, но съ радужными надеждами въ откликъ со стороны русскихъ антибольшевистскихъ организацій — явились ко мнѣ.

Я отправился съ ними въ Варшаву, куда мы прибыли въ воскресенье, около десяти часовъ утра.

Не дозвонившись къ Савинкову по телефону, я отправился съ делегатами въ Брюлевскую гостинницу. Оказалось, что Савинковъ уѣхалъ на пикникъ, что онъ продѣлывалъ аккуратно каждый праздничный день, не взирая на срочность дѣлъ, которыми пытался руководить. Оставили ему записку, объясняющую цѣль нашего посѣщенія и просили позвонить по телефону. Не дождавшись отвѣта до 12 часовъ слѣдующаго дня, рѣшили отправиться снова. Съ большими затрудненіями добились того, что дежурный чиновникъ доложилъ о нашемъ приходѣ. Однако, Савинковъ отказался насъ принять, такъ какъ, по словамъ чиновника, въ тотъ моментъ былъ сильно занятъ, а затѣмъ

собирался на прогулку «съ баронессой». Намъ рекомендовали обратиться къ правителю дѣлъ Одинцу, которому «г. предсѣдатель вполнѣ довѣряетъ».

При выходѣ намъ пришлось наблюдать, какъ Савинковъ, бережно усадивъ въ автомобиль какую то даму, уѣхалъ вмѣстѣ съ нею.

При видѣ этой трогательной картины, сѣрячки-делегаты сокрушенно покачали головами и промолвили:

— Если такіе паны защищаютъ крестьянъ, то тутъ намъ дѣлать нечего...

Въ тотъ же день они разошлись по домамъ, съ котомками за плечами. Воображаю, какъ много лестнаго для Савинкова и ободряющаго для повстанцевъ разсказали они своимъ землякамъ.

Моя попытка добиться свиданія съ Савинковымъ уже послѣ ихъ отъѣзда не увѣнчалась успѣхомъ, вслѣдствіе невѣроятной и унизительной бюрократической волокиты, которая неизбѣжно предшествовала лицезрѣнію «господина министра» и «вождя крестьянскаго движенія».

Нелишне замѣтить, что одинъ изъ делегатовъ извѣстенъ не только въ Херсонской и Таврической губерніяхъ, но и, какъ предсѣдатель Всероссійскаго союза крестьянъ, всей Россіи; другой—представитель Союза металлистовъ, рабочій извѣстнаго одесскаго Ропита (Русскаго общества пароходства и торговли).

О любви Савинкова къ крестьянамъ свидѣтельствуетъ также его отвѣтъ на мою просьбу дать обмундированіе сформированной мной крестьянской бригадѣ.

Имѣя полную возможность помочь мнѣ въ этомъ отношеніи, Савинковъ, съ иронической улыбкой, отказалъ, замѣтивъ:

— Зачѣмъ обмундированіе. Крестьяне должны быть въ собственной одеждѣ. Это даже «пикантно»: крестьянская бригада въ лаптяхъ...

Такое издѣвательство надъ людьми добровольно шедшими на смерть во имя началъ, провозглашенныхъ Савинковымъ, этотъ, съ позволенія сказать, «борецъ» называлъ «возглавленіемъ крестьянскаго движенія»...

Въ результатѣ, 1750 чел. крестьянъ-добровольцевъ, собравшихся въ Ковелѣ по моему призыву и постановленію волостныхъ сходовъ, не получая не только обмундированія, но и довольствія, — разошлись по домамъ, полные горькаго разочарованія, и на вторичный зовъ, разумѣется, не явились.

Мои отчаянныя телеграммы Балаховичу и Савинкову остались безъ отвѣта: оба героя ушли съ головой въ формированіе дивизіи полк. Микоши, составленной изъ плѣнныхъ красноармейцевъ и въ первомъ же бою (подъ Мозыремъ) перешедшей цѣликомъ на сторону красныхъ — въ новомъ обмундированіи, съ лошадьми, артиллеріей и частью обоза.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

У Савинкова двѣ любимыя темы, два излюбленныхъ газетныхъ конька: 1) русская эмиграція никуда не годится (кромѣ Савинкова и иже съ нимъ); 2) Россію спасутъ крестьяне, рабочіе и казаки (при помощи и во главѣ съ Савинковымъ).

«Въ Россіи», — писалъ Савинковъ, низведенный до роли предсѣдателя политическаго и даже не эвакуаціоннаго, а всего лишь ликвидаціоннаго комитета: — «свищетъ буря, валится буреломъ. Въ Россіи, въ хаосѣ, создается новая жизнь. А въ эмиграціи, въ Парижѣ, древніе люди древними словами спорятъ о древнихъ вещахъ, и имъ хочется вѣрить, что не русскій народъ, а горсть коммунистовъ выкинула два милліона русскихъ людей заграницу.. Но вѣдь Ленинъ и Троцкій при всей ихъ дьявольской силѣ, не властны распоряжаться милліонами душъ безъ хотя бы пассивнаго хотя бы молчаливаго согласія народа. Но вѣдь, если бы русскій народъ — рабочій, казакъ и крестьянинъ — ощущалъ эмигрантовъ, какъ любимыхъ сыновъ, очутились-ли бы мы заграницей. Вѣдь насъ не защитила деревня, не защитила фабрика, не защитила красная армія, а сами мы за-

щититься не смогли, не сумѣли. Не признакъ ли это нашей, насъ всѣхъ, оторванности отъ земли, отъ народа. И не предстоитъ ли намъ трудомъ, борьбой, помощью возстающимъ крестьянамъ, вѣрой въ русскій народъ, близостью къ его душевнымъ переживаніямъ, словомъ, дѣломъ и помышленіемъ заслужить прощеніе нашимъ грѣхамъ передъ Россіей. Грѣхи эти тяжки. О нихъ говорилъ Ефремъ Сиринъ: «Духъ праздности, уныніе, любоначалія не даждь ми». А эмиграція, царство тѣней, насквозь пропитана гордыней, а не смиреніемъ».

Не буду спорить съ Савинковымъ о роли и судьбѣ русской эмиграціи.

Это не входитъ въ задачи настоящаго очерка.

Однако, какъ я старался показать, Савинкову такъ же мало поможетъ Ефремъ Сиринъ, какъ и маршалъ Пилсудскій.

Проникнутый духомъ, если не праздностью мелкаго любоначалія, доводящаго другихъ до уныніе, а дѣло борьбы — до позорнаго развала, — Савинковъ останется навсегда одной изъ самыхъ мрачныхъ тѣней русской эмиграціи, тяжелымъ камнемъ на могилѣ русскихъ надеждъ. Его смиреніе, если даже повѣрить ему на слово, приходитъ слишкомъ поздно: это просто результатъ осознаннаго безсилія и непоправимыхъ ошибокъ.

Что же касается крестьянскаго движенія, на которое возлагаетъ послѣднія надежды благородный польскій изгнанникъ, то это, какъ мы уже видѣли, лишь безсознательная и злостная насмѣшка Савинкова надъ самимъ собой.

Крестьянское движеніе обойдется безъ Савинкова.

Того-же автора:

1) **КРОВЬ ВОПІЮЩАЯ . . .**

(печатается)

2) **МОЯ ИСПОВѢДЬ**

(печатается)

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Русскій Книжный магазинъ „МОСКВА“ въ Берлинѣ.

Wilhelmstrasse 20.